

Чтоб в наши дни писать поэмы,
Наивность нужно сохранять:
В стихи, возвышенные темы
Кому теперь досуг вникать?
К тому же эрудит-читатель
Заметит: «Автор—подражатель,
Он графоман или нахал,
Размер „Онегина“ украл».
Но не спеши бранить сурово,
В грехе я сам признаться рад:
Здесь—только формы плагиат,
А содержанье будет ново.

Я никогда, признаюсь, прежде
Поэм пространных не писал
И строй классический в надежде,
Что он поможет мне, избрал.
Но, взором внутренним объёв
Поэмы будущей состав,
Увидел, что не удержусь—
Не раз размером поступлюсь.
Скажи, возможно ль в наше время
Покой душевный сохранять?..
Жить в рамках и не бунтовать
Не может суетное племя.
Итак, поэмы план готов.
Название—«Иван Вольнов».

Глава первая

.....

1.

Начнём с Иванова рожденья.
Вольнов открыл мне свой секрет,
Что будто помнит он явление
В пронзительный, кричащий свет,—
Как потекли перед глазами,
Размыты первыми слезами,
Тазы, халаты и столы,
Кружились стены и полы,
Мелькали лица, руки, стёкла,
Предметов хаос бушевал
И новым гулом удивлял:
За окнами Россия мокла...
Лечила раны вся страна:
Год как закончилась война.

2.

Назвали в честь отца Иваном.
Поскольку он четвёртым стал
Ребёнком, в общем-то, неожиданным,
«Поскрёбьшем» отец прозвал.
Семья и так недоедала.
«Поскрёбьшу» и горя мало:
Ел богатырски, был здоров
Иван Иванович Вольнов.
Семья на лето поселялась
В старинный загородный дом
С туманным полем и прудом.
Здесь сердце Вани пробуждалось.
Кто с первых дней природой жил,
Навечно сердце ей открыл.

3.

Хотя спроси теперь Ивана:
«Ты помнишь детство?»—скажет: «Сон...
Мне память, полная тумана,
Детали открывает в нём:
Как босиком по глине топал,
Как брата-забияку шлёпал,
С соседкой ползал нагишом
В сарае, от отца тайком...
И тайну охранял обманом...
А там, когда постарше стал,
Вино из рюмок допивал...
Но вряд ли был я хулиганом...
Я с одноклассником не дружил,
Но дружбой старших дорожил.

4.

В пять лет казалось: я—частица
Всего-всего большого дня...
Я должен в Мире раствориться,
Чтоб Вечность вновь вошла в меня...
Где сон, где явь—ещё не видя,
Но, мнилось мне, судьбу предвидя,
Я вдумывался, вспоминал,
Бессмертье жизни понимал.
Себя считал я Богом или
Некоронованным царём,
Который вступит в бой со злом—
И победит! Чтоб люди жили
В согласье, мире и любви—
Ведь нет спасенья на краю...»

5.

В Москве, в квартире коммунальной,
Вольновы жили целый век.
То мирно жили, то скандально
Соседи—двадцать человек.
Обобществлённая квартира:
Чреда у ванной и сортира,
Брань и смешение полов
На кухне у пяти столов...
Исчадьё стирок в свете тусклом,
Застолия по вечерам,
Симфонья звуков—шум и гам
Армян, цыган, евреев, русских...
Смеялся, плакал, правил бал
И жил «интернационал».

6.

Огромным замком в центре бойком
До революции владел
Богатый человек—Ханжонков,
Российский первый кинодел.
Многоэтажная громада,
Украшенная вдоль фасада
Аркадой, башнями, резьбой
И керамической плитой.
Когда-то здесь подворье было
Древнейшего монастыря.
Изгнав монахов и царя,
Власть коммуналку заселила.
Но в этом доме каждый знал,
Что здесь Распутин проживал.

7.

В разноплеменном хороводе
Иван уж начинал взрослеть,
Когда узнал он, что в природе
Есть странное понятие—«смерть».
Внезапно бабушки не стало,
Той, что Ивана целовала,
Ласкала больше всех внучат;
И вот—уста её молчат.
Кругом все плачут, а Ивану
Обряд трагический смешон.
Он думал: «Прах лишь погребён,
А бабушка незримой станет!
И если помнить и любить,
То будет она вечно жить!»

8.

А вот в толпе, в Колонном зале,
Куда с отцом с трудом попал,
Иван, поскольку все рыдали,
Над гробом Сталина рыдал.
Пришла и радость вслед за горем:
Отцовский брат вернулся вскоре,
Седой, худющий, как скелет,—

Он дома не был десять лет.
Иван же справил семилетье.
Тянулись в школе без труда
Пятидесятые года—
Зигзаг двадцатого столетья.
Здесь бег рассказа замедлю.
Не бойтесь—вас не утомлю.

9.

Уже развитие сюжета
Диктует, что руке писать.
Как сладко, несказанно это—
Художник сможет лишь понять.
Уходит робость начинанья.
Приходит радость созиданья.
Душа парит, забыв про сон.
Поймёшь, коль был и ты влюблён.
Теперь, я это твёрдо знаю,
Свою поэму сотворю!
Я вкус почувствовал, парю,
План вдохновеньем уточняю.
Поверьте—не отвлечёсь я.
Итак, Иванова семья:

10.

Иван Вольнов, отец Ивана,—
Князей потомок и купцов,
Дитя российских балаганов
И запорожских удалцов.
Дед с бабушкой служили сцене
И при царе, и в наше время:
Отец отца был комик, мать
Могла в трагическом блистать.
Наследник русского артиста
В душе о творчестве мечтал,
О музыке, но нарожал
Детей... И стал экономистом:
Он нарукавники надел,
Век за конторкой проскрипел.

11.

Всю жизнь трудилась мать Ивана,
Российская святая мать:
Смогла шестнадцать душ сверх плана
Детей и внуков воспитать.
Мужик и красный комиссар,
Её отец низвергнул бар,
Цыганку вольную познал,
Украл её и в жёны взял...
И появилась мать Ивана.
Россию стала возрождать:
Любить, творить, терпеть, рожать—
И верить! Вот—Вольнова мама...
Однажды мне признался он,
Что матерью своей силён.

12.

Ивана старший брат талантом
Уже в младенчестве блистал:
Был вундеркиндом-музыкантом,
С большим оркестром выступал.
Здесь перечень семьи вольновской
Закончим шуткою отцовской:
«Мой средний был—и так и сяк,
А младший вовсе был дурак...»
Пред музыкой и скрипкой нежной
«Поскрёбыш» наш благоговел.
На людях взять смычка не смел,
Но при okazji прилежно
Со скрипкой брата на чердак
Влезал тайком «Иван-дурак».

13.

И там в безмолвном упоенье
Он экзерсисы вспоминал:
Не зная устали и лени,
С восторгом брата повторял.
Обнявши скрипку, с антресоли
Он уносился ввысь, на волю,
И суету не различал,
Коснувшись вечности начал.
Однажды дирижёр услышал
Пассаж, усиленный Паганини,
Который отродясь доньше
У итальянца только вышел.
Маэстро Ваню вниз спустил
И в свой оркестр пригласил.

14.

С тех пор Иван уж всенародно
Искусством души ворожил.
В консерваторию свободно
Он без экзаменов вступил.
Яд лести лился в уши Вани:
«Ты гений! Баловень! Избранник!
Ты Божьей искрой одарён!
Не писан гениям закон!...»
Испивши яд хвалы бесплодной,
Художник гибнет иногда.
Ах, если б знали то всегда
Творцы гармонии свободной!..
Благодарю: прочли главу.
Кто не устал—вперёд зову.

Глава вторая

.....

15.

Художник, если ты поэму
До этих пор не отшвырнёшь,
То над главой про жизнь богемы,
Я обещаю, не уснёшь.
Да, впрочем, только ли художник?

Сапожник... железнодорожник...

Да кто ж из нас не отдал дань
Вину, красавицам, «друзьям»?
В богеме многие тонули:
Пьянит и манит глубина,
И нежно сладострастье дна...
Со дна не многие вернулись.
И я там был. Мёд-пиво пил,
Но, право, я ещё не всплыл.

16.

Но я—не в счёт. Речь о Вольнове.
Для многих он кумиром стал.
Нужды не ведал в «добром слове»
И к «дружбе» льстивой привыкал.
Один музыковед-приятель,
Услужливый банкетодатель,
Вольнова в гости затащил,
Флейтистку также пригласил.
Спасаться поздно было бегством:
Иван с флейтисткой сел юнцом...
Поднялся—бравым молодцом
И навсегда простился с детством.
Текли в познание без труда
Шестидесятые года.

17.

Ивану часто говорили:
«Гляди-ка—Лермонтов живой!»
Похожестью Ивану льстили:
Поэта он любил душой.
Надменным, колким, озлобимым,
С душой ранимой, нелюбимым,
Себя он гордым почитал
И чуть не «Демоном» считал.
В любом пиру был нелюбимым.
Он только правду признавал.
Лгунов на дух не принимал,
За что прозвался «нетерпимым».
Иван не признавал лишь месть.
И было Ване—двадцать шесть.

18.

Пустое времяпровожденье
С «элитой» в дымных кабаках:
До тошноты ночные бдения,
Застолья в «творческих домах».
Компаний пошлое веселье,
Постель чужая, боль похмелья,
Но обожали пикники
Советских классиков сынки.
Один любитель куропаток
Легкодоступных чредовал,
Легко и Родину сменял,
Как пару папиных перчаток.
Один ли он удрал «пожить»,
Не Родине—себе служить?

19.

Где вы, соблажники-ребята?
Володя... Гена... где Олег?..
История шестидесятых...
Хмельной, гитарный человек...
Петлю и раннюю могилу
Судьба Геннадия судила.
И гневный бард под землю лёг,
Блокаду тьмы прорвать не смог.
Отряд на марше расчленился.
Кто крикнул: «Зло не одолеть!» —
Кто слабостью упился в смерть,
Кто дезертировал, кто сдался,
Кто подкрепления не ждал,
Но верил в Свет и наступал.

20.

Плетя интригу разрушенья,
Уже который век подряд
Враги спасенья, дети тленья:
«In vino veritas!» — кричат.
Чтоб богатырь не смел подняться,
С нечистой силой расквитаться
И с мировым сразиться злом,
Россию залили вином.
И там, где прежде медовуху
Вкушали в праздные деньки,
Пришелец насаждал шинки
И разум разрушал сивухой.
Так Бахус, грязный винодел,
Без боя Русью овладел.

21.

С рожденья знают даже дети,
Что в мире есть добро и зло.
Но всем ли взрослым на планете
Понять различье повезло?..
Ах, если б в школе нас учили:
Мол, так и так, вот злая сила —
Хаос, вражда, безверие,
Разъединенье, тление...
Зло безысходностью пугает,
Твердит, что счастье лишь в деньгах,
Во власти, низменных страстях,
Усладой плоти развращает.
Коснёмся и добра примет:
Любовь и Вера, Радость, Свет.

22.

Ночь проведя в богомном блюде,
Кто сможет чистоте служить
И в мрачной комнате Иуды
О светлом Спасе говорить?
Обжорство, пьянство и похмелье,
Греха нечистое веселье...
Связь расторгая с Красотой,
Художник платит немотой.
Он звуки неба забывает —

И крылья в путах суеты
Не достигают высоты.
Гармония в душе смолкает...
И в сердце тления печать
Вольнов уж начал примечать.

23.

Иван мечтал остановиться,
Унять бесовский жизни круг:
Или долой с него свалиться,
Или душой проснуться вдруг.
Неотменим закон Вселенной:
Иль к Свету, ввысь, — иль в бездну тлена,
И каждый должен выбирать —
Тьме или свету присягать.
Но, к счастью, можем мы послушать,
Что в эти дни Иван писал:
Бедняга тоже сочинял,
Оберегал стихами душу.
Вот исповедь его, друзья.
Размер сменить грозился я.

24.

«Простите, что я слаб, несовершенен,
Что ни себя, ни вас я не спасу,
Что вас так мало я люблю,
Что ни оков не разорву,
Не встану на колени.
Что, видно, так и проживу —
Покуда не сгорю в геенне
Или предчувствие души осуществлю:
Когда начнёт без плоти длиться время
В Пространстве, в то последнее мгновенье.
Простите мне, что я уже старею,
Держаю мало и ленив душой,
Что больше благ других люблю покой,
Что Это, тайное, открыты вам не умею,
Что, как и вы, я — умерщвляю плоть,
Что не бегу греха и полного паденья,
Но пью за праздник, за гармонию, любовь,
Что за паденьем жду я возрожденья,
Что эту исповедь пред зеркалом писал,
Но отраженья так и не познал.
Я крал, прелюбодействовал и лгал,
Я пил вино, и я творил кумиров.
Отца и мать я мало почитал,
И я, быть может, многих убивал,
Хотя, поверьте, всем добра желал.
Познать паденье человека в мире,
Испить до дна... и заплатить собой.
Простите, если вас я обманул.
Я верен был лишь Истине одной».

25.

Не раз я слышал от Вольнова:
«Поверь мне, в жизни я любил
Лишь мать, Россию, правды слово...»
Он истину боготворил.

Поди проверь... Легко ль занятые...
Туманно истины понять.
Быть может, истин—миллион
И в каждом сердце свой закон?..
Я лично—неуч в этой теме:
По мне, светило далеко...
А так как солнце высоко,
Вдруг Истина—одна над всеми?
Кто скажет правду нам, друзья,—
Быть может, Вечный Судия?..

26.

Иван дивился жизни в свете,
Так как с оркестром «выезжал»,
И мир—в трагическом балете
Он с болью в сердце познавал:
Потеря веры, культ наживы,
Гоненье Правды, буйство лживых,
Души забвенья, войны, стон,
Паденье, ад—со всех сторон.
Мир приближал своё крушенья.
Однажды с корабля на бал
В курортный город он попал.
Но, чтобы описать смятенье,
В котором пребывал Вольнов,
Приложим лист его же слов:

27.

«Манят женские шафраны.
Сняты лифчики для страсти.
Дев заезжих караваны
Взором знойным ищут счастья.
Ницца—Мекка сладострастья,
Шанс последний на везенье,
Женский вопль о несчастье
И не-у-до-вле-тво-ренье.
Разнойой магнитофонов,
Шлягер пошлый ресторанный,
Жернова аттракционов,
Чад агоньи полупьяной.
Взоры алчущие беса
Жалят встречного собрата.
Насыщает поднебесье
Смрад всемирного разврата.
Где единство и родство?..
Ненаглядный идеал?..
В лицах—плоти торжество,
Сатана в них правит бал!
И вершит грехопаденье
В откровенный взор блудниц,
Позабывших, что спасенье—
Стыд опущенных ресниц.
В погибающем Содоме,
В восхитительной Помпее,
У вулкана на ладони
Люди так же сатанели...»

Теперь нам не унять Вольнова—
Назрело откровенья слова!
От исповеди грех бежать...
Вот что он хочет нам сказать:

28.

«...Я несправедно живу:
Мясо ем, курю и пью,
Обольстительниц люблю,
Рамок—не терплю.
Недозволенно живу:
В празднике тону,
И не знаю—я всплыву
Иль пойду ко дну.
Независимо живу:
Изредка творю,
Гнёт судьбы—не признаю,
Свою песнь пою.
Возмутительно живу:
Лживым не служу,
Нетерпимым я слышу,
Брата не щажу.
Но зато, как я живу,
Сотню раз на дню
Сам себя в душе распну,
Горестно вздохну...
И—наполню светом грудь,
Разгоняя тьму:
Все грехи свои сожгу
Я когда-нибудь!
Несказанно заживу,
Сердце утолю,
Не обижу, не пролью
Я слезу ничью.
Верю я в свою звезду.
Жизнь благодарю.
Чистоту боготворю.
Возрожденья жду...»

29.

Не ожиданье, а усилие—
Помощник истине, дружок:
Положишь камень—и бессилен
Преодолеть его поток.
Но час потехе—делу время:
Пора бы, братец, сбросить бремя,
Всем сердцем светлomu служить,
Когда во тьме несомно жить.
Один ленивец собирался:
«Вот завтра—баньку истоплю!
Сегодня же чуток посплю!..»
Он так грязнулей и скончался.
И чтоб пример не повторить,
Пора бы баньку истопить.

30.

Глава падения Ивана
Даётся мне не без труда:
Ведь нужно избежать обмана
Для чистых сердцем без вреда.
Двадцатый век плодит «поэтов»,
Которым наплевать на это,
Что будут дети их читать
И грязь их к сердцу приобщать.
Пусть каждый в меру развращенья
Припомнит все грехи свои
И облегчит труды мои
По описанию паденья.
Быть может, лишний раз вздохнёшь,
Раскаешься—и жизнь спасёшь.

31.

Как блудный сын Иван являлся
В старинный загородный дом.
Здесь мать жила, здесь исцелялся
Вольнов родительским теплом.
Здесь всё ему напоминало
Рожденье—дивное начало...
Когда себя осознавал,
Бессмертной жизнь свою считал.
Здесь мама пела ночью длинной...
Черёмухой он пачкал рот...
Лес... соловьи... и огород...
И шишки в самоваре дымном...
Пруды... туманы... и поля...
Россия... Родина моя.

32.

Стоял... смотрел... припоминая,
Один средь голубых полей.
Недвижим, сердцем замирая,
Вникал в слова души своей.
Освобождённое сознание
Готово было мирозданье
Всё-всё до капельки вместить,
И всё вокруг он мог—любить!
И был он лёгок и свободен,
И голос сердца воскрешал
Слова возвышенных начал;
Вновь был он чист и благороден.
С тех пор прогулки принял он
Как ежедневный моцион.

Глава третья

.....

33.

В Москве, в Коломенском старинном
И вдоль Москва-реки бродил...
Герой тут в кооперативном
Крупнопанельном доме жил.
Гудел шестиподъездный улей

Ветрами, сотнями кастрюлей,
Дрожал, дивил контрастом он:
То—лифта гром, то—страстный стон.
И дом, раскрашенный огнями,
Смеялся, пил, аккорды брал,
Скандалил и детей качал...
Плыл, как корабль в океане.
Корабль Иван увидеть мог,
Нырнув за борт, через порог.

34.

Свои прогулки-монологи
Он год уже не пропускал:
Смирал волненья и тревоги,
Под звёздным небом размышлял,
Беседовал с восторгом тайным
С самим собой и мирозданьем...
Учился рифы проплывать,
Свой чёлн волнам не дать швырять,
Срывал с пороков покрывало
И с беспощадностью судьи
Казнил провинности свои,
Чтоб Правда лишь торжествовала.
А дома, выпив чай, вздыхал
И, улыбнувшись, засыпал...

35.

...И снился дивный сон Ивану:
Он свой корабль оставлял...
И Золотому Океану
Спокойно душу доверял...
Струились радужные блики...
Всплывали солнечные лики...
Здесь были все, кого он знал...
А знал он—всех!.. Всё понимал!..
Сиянием восторг разлился...
И в нём торжествовал Иван,
Безмерный, словно Океан!..
...Он, полный Света, пробудился
И радостным назвал тот Сон.
Та радость и поныне в нём.

36.

С тех пор герой наш изменился,
И это каждый отмечал.
Он и лицом преобразился—
В глазах его огонь сиял.
По лестнице метро однажды
Он ехал, а куда—неважно,
В чреде сограждан вниз он плыл,
За вверх плывущими следил.
...Скользили, проплывали лица...
Задумчивая череда...
Спросил себя: «Люблю их?.. Да...
И я цепи этой частица...
И все мы—целое, одно:
И те, кто ввысь, и кто на дно.

37.

В счастливый миг Вольнов родился.
Счастливей «Демона» поэта:
Он возродился. Он—влюбился!
И речь теперь пойдёт об этом.
В концертном зале это было:
Ивану сердце защемило,
Когда её увидел он.
Взгляд!.. Вспышка!.. И уже влюблён!
Иван во все глаза из зала
За новым божеством следил.
Он слёз восторга полон был—
Так она Моцарта играла!
Иван, не зная, кто она,
Сказал в душе: «Моя жена!»

38.

И даже коль она другому
Принадлежит, и тёща-мать
Не думает о зяте новом,
Вольнов не мыслит отступать.
В крови бродили гены дедов,
«Цыганокрадов» и поэтов.
Уж гороскоп-то знает всяк:
Иван был «Лев»—то царский знак.
Кто скажет—случай свёл Ивана
С Марией в парке у пруда,
Иль это Божьего труда
Благословенная программа?..
Гулял он с ней, взглянуть не смев,
За руку взять боялся «Лев».

39.

И вот они спустились к пруду.
Случилось это в третий день.
Ночь, звёзды, тишина повсюду...
Присели у воды на пень...
Касались спинами... Дрожали...
Признанья вспышки ожидали...
Луна струилась, бушевал
Вокруг лягушечий хорал...
И наконец «храбрец» решился:
Ведь раньше, позже—всё равно,
Уж всё судьбою решено.
Сказал—как в бездну повалился:
«Должны мы быть с тобой всегда...»
Мария отвечала: «Да».

40.

Москва в тот год изнемогала:
Ты помнишь—семьдесят второй?..
Жару и дым превозмогала—
Леса горели под Москвой.
Медовый месяц нашу пару
Унёс далёко от пожара.
В Кижках, на островах Онеги,
Они испили чашу неги.
В избе друзей жилось им просто.

Дом плотнику принадлежал.
Искусно резал, воскрешал
Он церкви Кижского погоста.
Кто в том краю из вас бывал,
Тот, верно, Ёлупова знал.

41.

Под скрипы вёсел открывали
Места, которых нету краше.
Два ближних острова назвали:
Тот—остров Вани, этот—Маши.
Они с порожка бани ярой
В Онегу кувыркались парой
И плавали на острова,
Где гнулась сочная трава...
Нам жизнь полна, когда—вдвоём!
Тогда и вечность не страшна,
Возня крысиная смешна...
Как сладко потонуть в родном...
Ночь со свечою коротать,
Обнявшись крепко, засыпать.

42.

И знали оба, не пугаясь,
Что жить—не поле перейти,
Но что, плечом к плечу сражаясь,
Сумеют свой союз спасти.
И как бы там враги ни злились,
Плоды бессмертья появились:
Сначала сын, а следом—дочь:
Иван да Мария точь-в-точь.
Мне, право, тяжкий труд достался—
Любовь их в слове воплотить.
Шекспира мне не повторить,
И как бы я тут ни старался,
А лучше сам Иван сказал,
Вот что герой в стихах писал:

43.

«...Сгорело лето.
В лесу так тихо.
Бредём тропкою.
Немного солнца.
Вороны... Ветер...
Да мы с тобою.
Вечерний вызвезд
Пленён до срока
Голубизною.
Вдыхаю запах
Смоли и хвои
С твоих ладоней.
Лесной орешек
Разгрыз зубами—
Какой упругий!
Две белых дольки
Жуём, губами
Прильнув друг к другу.

Печная магия...
Стол сосновый...
Дымится ужин...
Вино из солнца...
И нам на свете
Никто не нужен.
Два карих глаза—
Два бирюзовых...
В лесу ненастье...
Покой меж нами,
И каждый день нам
Приносит счастье».

44.

И, чередуясь тьмой и светом,
Стезёй духовного труда
Текли двадцатого столетья
Семидесятые года.
Крепчал Иван. Росли детишки.
Злодеи набивали шишки,
Пытаясь разорвать союз.
Врагов бесила крепость уз.
Дуэт Ивана и Марии
Восторгом души окрылял,
К добру и Свету призывал,
За что в народе их любили.
Иван да Марья и в быту
Являли ту же красоту.

45.

По мелочам бывали ссоры—
Без диалектики нельзя.
Себя крепит цементом спора
Лихая русская семья.
У нас все мужики—гусары,
У нас все бабы—комиссары.
Но лишь согласие штабов
Сметёт с дороги всех врагов,
Разъединяющих супругов.
А если в «штабе» брань, содом,
Гусары тешутся вином
В компании «гусара-друга».
Построже быть к себе умей—
Потомство будет здоровей.

46.

Иван однажды в откровенье
Признался, что без Марьи он
Не дожил бы до возрожденья,
Увял бы во пиру чумном.
Он попросил меня героем
Его не делать. Значит, скроем,
Как он не раз людей спасал
И втайне ближним помогал,
Любил, творил, боролся, верил,
Что будет по делам дано

Подняться ввысь или пасть на дно
И долю Вечности отмерить.
Вот строки из его труда
В восьмидесятые года:

47.

Очнуться вновь среди синих гор,
Над горным озером проснуться.
Своей виной вчерашний спор
Признать—и сердцем улыбнуться.
Вдохнуть лаванды фиолет
И жёлтый зверобой пьянящий
И не дослушать, сколько лет
Приговорит мне птица в чаще.
Вздохнуть... Ведь углублённый вздох—
Причастие Творящим Светом...
Ах, если б в горе горьком мог,
Вздыхая, не забыть об этом!..
Покой среди молний сохранять,
Огонь отеческих заветов,
Смерть постигая, сознавать
Нетленность сущности предметов.
Среди боя зоркость не терять
В клубящемся чаду распада
И в сердце радость сохранять—
А больше ничего не надо.
Ведь даже если триста лет
Мой век стремительный продлится,
Мне не допеть про Белый Свет,
Не долюбить, не утолиться.
Я буду каждый вздох и миг,
Пока живу, благословлять,
И ткать из сердца Света нить,
И не устану повторять:
«Люблю... Спасибо... Хорошо...»
Минуй меня дурные чувства.
Всё, что пришло и отошло,—
Фрагменты Божьего искусства.

48.

Вот и конец поэмы видно.
Я не любитель докучать.
Хотя, не скрою, мне обидно
Весёлый труд свой завершать.
Я слышу, кое-кто зевает
И умудрённо упрекает:
«А где ж измены, страсти, кровь?
Где безысходная любовь
И гибель вашего героя,
Не одолевшего судьбу?..»
Утешить вас я не могу.
Поэмы суть—иного строя:
Век безысходности угас,
И время—тьме, и Свету—час!

49.

Настало время возрожденья
И веры в светлый идеал.
А если ты иного мненья,
Мне жаль тебя, но ты отстал.
Тогда воспользуйся советом:
Дерзай и наполняйся Светом.
На злобу злом не отвечай,
С улыбкой пей, и лучше — чай,
И перечитывай «Вольнова».
Отвечу вам, кого смутил
Тем, что героя не убил:
Мир и без этого суровый.
Живи, твори и будь здоров,
Иван Иванович Вольнов.

P. S.

Мой труд с онегинским размером
Стал наслажденьем для меня.
Я, вдохновлён его примером,
Скроил поэму за три дня.
При этом трижды в день питался,
С женой и сыном занимался,
Играл с собакою, читал
И сотни вёдер натаскал
Для поливанья огорода.
В закате по полям блуждал,
За лес светило провожал
И любовался на природу.
Теперь готов на сто поэм,
И, право, мне достанет тем,
Но нету времени совсем.

2–5 июня 1983